

На холстах **Светланы Тюриной**, пишущей под творческим псевдонимом **Лана Брайт**, оживают волшебные птицы, царевны спешат навстречу переменам, Хозяйка медной горы готова испытать очередного смельчака, а лес просто растет вокруг и может вылечить, утешить, помочь. Выставка вернувшейся пару месяцев назад из Нидерландов художницы открылась в Соликамске.

Лана Брайт:

«Голландский зал»
Выставка еще на стадии оформления

«Я вернулась на свою землю, я хочу раствориться в ней... Искать мне больше нечего»

НЕМНОГО ПРЕДЫСТОРИИ

■ Родилась Светлана в Перми, в самой обычной советской семье. Рисованием ее случайно увлек отец, который однажды, чтобы занять дочь, показал ей, как рисовать девочек: на полях попавшейся под руку газеты нарисовал ручкой маленькую гимнастку в черном костюмчике. И для нее это стало почти чудом, которое определило будущую жизнь. Как говорит сама Светлана, сложности общения со сверстниками резко заканчивались, когда она начинала рисовать — это был и язык, который все понимали, и способ социализации. И то, что затмевало все остальное.

■ После окончания школы — училище и среда единомышленников. Потом — Новгород, Ленинград, поступление в Московский полиграфический институт. И понимание, что призвание — это изображение людей, их эмоций.

■ В 90-е спасительной для художницы стала встреча с будущим мужем — польским фотографом и переезд в Нидерланды.

— В первый же приезд я получила заказ от голландского журнала и заработала себе на билет, — вспоминает художница в интервью интернет-порталу «Русский мир». — Вскоре я познакомилась с хозяином швейцарского издательства, где вышли две мои первые детские книжки — про собачку и медвежонка, который не любил чистить зубы. Как они получились? Я начала рисовать истории про них и подумала, почему бы не добавить текст.

Книга про собачку выдержала несколько переизданий и была переведена на пять языков. А стоматологическая история медведя Бориса стала интернациональным хитом и уже издана на тринадцати языках. Спустя десятилетия книга продолжает обретать новых читателей, а комплименты и благодарности за Бориса художница получает и сегодня.

— Потом мне это стало слишком просто, захотелось роста, преодоления трудностей. Я вернулась к изучению академической живописи, «с головой» ушла в образование. И это дало плоды: работы оценили, начали выставлять в галереях, появились крупные и интересные заказы.

■ Творчество Ланы Брайт было отмечено международными премиями, в том числе ЕРРУ (США) и Cartoon Prize, учрежденной Организацией Объединенных Наций.

«Начать заново там, где я буду нужна...»

— Но, тем не менее, вы решили вернуться на родину?

ЛБ: 2022 год многое изменил в жизни эмигрантов. Мне стало неудобно. Впрочем, даже не в этом главная причина. Я не могу там реализоваться, как художник. Последние лет шесть, может, даже больше, замечаю, что художественные тенденции в Европе идут в сторону, которая мне не нравится, которая мне, как человеку с традиционными ценностями, совсем не близка. Проще говоря, ценится то, что я считаю извращением.

У меня хорошая школа, много сил и энергии, но фактически я просто «лежала на диване», потому что не было ни желания творить, ни вдохновения. Какая-то беспроб-

ветность. Это было очень грустно. И, несмотря на то, что я там прожила тридцать лет, решила, что хочу поменять все, уехать, вернуться — и начать заново, там, где я буду нужна. Это только Родина. «Где родился — там и пригодился» — решила повторить этот тезис на себе.

— Переезд оказался трудным?

ЛБ: На удивление, нет, все сложилось легко и просто. Даже как-то символично: я очень красиво приехала в Россию — на фуре, полной тюльпанов, она довезла меня до Калининграда. И сразу закрутилось много событий. В том числе с музеем Соликамска. Я заранее знала, что меня приглашают, меня ждут. Через месяц после приезда созвонились, я нашла мастерскую и начала работать. В целом, переезд мой был подготовленным, я многое сделала для того, что-

«Уехала в Амстердам я в начале 90-х. Тогда здесь все, что я могла предложить, было никому не нужно... Если бы не уехала, наверно, не выжила бы. Ни как человек, ни как художник. Все рушилось. Я уже мысленно дала себе год времени, решив, что если ничего не изменится, то... Даже говорить не хочется об этом. Не видела выхода. Но для чего-то жизнь меня сберегла. Я уехала в Голландию, вышла замуж, родила дочь. И получила тридцать лет для формирования себя как личности, как художника»

Не только в музее Светлана оставила свой художественный след, поддержав идею оформления этно-двора ко Дню города

«Поцелуй», 2024

С этой картиной вышла интересная история. Сначала я думала, тут будет светлая сказка: царевна на белом коне, с царевичем, рядом серый волк бежит... И никак не получается, совсем не идет... Я и так, и сяк пробовала — ничего. В конце концов, просто закрасила белой краской все, кроме царевны. И образ начал складываться совсем по-другому. Она уже не на коне — она, как русалка, на ветвях дерева. Ее задача — завлечь добра молодца. Добрый молодец здесь был, но... я его тоже затерла. Молодец сейчас в сказку не ходит, он занят. У него много работы в материальном мире, он не соблазнится никакой красотой, песнями. Это ощущение мужчины в мире — он в работе. Женщина держит культуру, быт. Эта картина о том, что даже в сказках его нет. И здесь же — отсылка к серии фотоснимков «Жена героя», которая меня тоже вдохновила. Это герой, который остался, как свет, как ожидание, как воспоминание. Картина называется «Поцелуй». Она целует идею, свет, он есть, но не рядом.

бы все сложилось удачно, фактически, приехала на все готовое, каких-то бытовых сложностей не было. Мама меня ждала. Мой «запасной аэродром» был готов. Семья тоже не против, что я вернулась.

— И сразу море работы...

ЛБ: Это был месяц стресса, можно сказать, но стресса творческого, очень приятного. Прекрасный новый старт на Родине: сразу попасть в государственный музей — это большая честь и ответственность. Да, все мое ателье, материалы, они все еще в багаже, а сюда приехала с двумя чемоданами — и уже выставка. Но мой опыт помог: я знала, что делать. Бумага, акрил, холсты и техника, которая позволяет картинам быстро сохнуть, то есть, результат ты получаешь сразу. Все, что в этих залах, сделано за последний месяц. Вообще, я больше люблю масляную живопись, которая дает возможность писать яркими красками, а работы акрилом получаются немного «приглушенными». Сначала меня это смущало, но потом подумала: пусть. Это моя новая жизнь начинается, как подмаляков. Самая большая и яркая работа — еще впереди.

— Что вдохновило на такую масштабную и быструю работу?

ЛБ: Ощущение себя там, где ты должен быть. Когда живешь за границей, очень остро чувствуешь, какой ты «другой». А тут я понимаю, что только русская культура дает принадлежность к корням, дает здоровье, дает силу выживать. Вообще, последней каплей, когда я решила, что больше не хочу там ничего делать, не хочу там жить, был закон с запретом гулять по лесу. В Голландии можно гулять по лесу только по специальным тропинкам. Не дай бог тебе сделать шаг в сторону и уж тем более срезать грибок, например. Это сразу — доносы, штрафы, причем, большие. Когда я поняла, что даже в лес не могу сходить, возникло ощущение, что я задыхаюсь. И в целом вся жизнь очень регламен-

тирована. Да, в этом есть плюсы, например, у голландцев научилась дисциплине. Но ощущение «клетки» слишком сильное.

Поэтому все, что есть на этой выставке — это образы, которые копились долго, и вот — вырвались на свободу. Все, что теснило, о чем я хочу говорить зрителю — здесь.

Как только я приехала, знаете, что сделала?

— Отправились в лес?

ЛБ: Да! Пошла за грибами! Я приносила их ведрами, гуляла по лесу дни напролет. Просто бродила, ходила с друзьями в баню... «Отвела душу» за все годы в Голландии. И постепенно «оживала». Да, я там тоже нашла леса, но это было больше похоже на криминальное приключение. Я понимаю, что там — не Урал, мало вот такой дикой природы... Оттого и все запреты. Но мне очень не хватало свободы. Как же прекрасен уральский лес! Сколько в нем силы и вдохновения! Поэтому и выставку я так назвала: «Лес. Возвращение».

«Я поставлена на служение: красоте, миру, любви»

— Что за рассказ здесь? Что может увидеть внимательный зритель?

ЛБ: Здесь много сказочных образов. Но для меня это не просто сказки. Это некие архетипы. Я их наделяю не поверхностным сказочным смыслом, а глубинным, рассказывающим человеку, кто он, зачем он? И я вижу по реакции людей, что у меня это получилось. Я уехала из России 30, а из Перми — 40 лет назад. Тогда город был полон сурового индустриального стиля, но это было требование времени: надо было поднимать производство, в этом человек находил внутреннюю силу. А моя сущность — это нежность. И я поехала ее искать. За тридцать лет сделала круг — до западного европейского берега и обратно. Я сбирала красоту. Я знаю, что это, как она входит в душу, как человек откры-

ваит сердце — только нежностью, только мягкостью. Поэтому у меня много женских образов, которые глубинно ассоциируются с доверием к матери, доверием к жене, любовью к сестре, нежностью к дочери. Это та мягкая энергия, которую человек принимает, неважно, женщина это или мужчина. И мой рассказ, который я несу людям — в этой жизни есть внутренняя мягкая сила, которую нужно найти. И как бы ни было трудно, но свои корни на земле всегда есть. Они помогут, они залечат.

— Что бы вы хотели, чтобы получилось в России?

ЛБ: Сейчас хороший момент, чтобы в России предложить что-то новое. То, что не будет суровым и строгим, а, наоборот, будет говорить о любви и нежности. О сказках. О свободе. И здесь люди видят то, что я вкладываю в свои работы. В Америке и Европе другие понятия. Да, они ценят визуальную составляющую — внешнюю красоту. Да, были отдельные зрители, которые благодарили за то, что увидели себя, свою душу — это единицы. Но чтобы понять, глубоко... Нет.

А здесь я вижу, что понимают. И не стесняются об этом говорить. И я знаю, почему: образы близкие, родные, впитанные с детства. Я приехала сюда, чтобы «отработать» все тридцать лет вдали от Родины. Голландии я благодарна — тогда там были условия, чтобы я смогла погрузиться в творчество, в обучение, в развитие. Но очень рада вернуться.

— В одном из интервью вы говорите: я — агент влияния, влияю русской культурой. Скажите, насколько это возможно — повлиять на человека культурой, которая ему не родная?

ЛБ: Да (смеется), было такое. Это было сказано в контексте, что мои работы размещались в интерьерах многих крупных западных компаний, даже в залах для совещаний муниципалитетов. А если серьезно, то нет, глубоко повлиять культурой, которая не заложена где-то в корнях, на уровне подсознания, крайне сложно, почти невозможно. Но для меня это было своего рода служение, то, что давало мне стержень, силу двигаться дальше.

Я родилась со способностями рисовать. И я поставлена на служение: красоте, миру, любви. Там были люди, которых это очень трогало, которые говорили, что им бы хотелось, чтобы красоты было больше.

И вот еще интересный момент: в Голландии не принято демонстрировать эмоции, этого даже боятся. А я считаю, что важно — и в этом, в том числе, роль искусства — суметь

увидеть свои эмоции, «достать» их. И для этого не обязательно переживать что-то плохое, можно просто прийти в музей, посмотреть на красоту, понять, где внутри она отзывается, живет. И если это груз, то расстаться с ним, заново пережить и оставить в прошлом. Это терапевтическая роль живописи. Это цветотерапия.

«Это не трагедия, это переход...»

— Каждая картина, представленная на выставке, — это не только привлекательная визуальная составляющая, но и то, что художник в нее вкладывает, с какими эмоциями пишет, какое ощущение хочет подарить зрителю...

ЛБ: Картина, с которой началась выставка, первая, что родилась здесь — это «Снегурочка». Момент, когда она понимает, что тает. Приходит весна, зайцы меняют шубки, цветут подснежники, пробивается первая трава... А она с этим теплом не справляется. Легла и чувствует, что все, что она видит, сейчас исчезнет. Но это не трагедия, это пе-

Акварельные пушистые антидепрессанты

В развешенных бинтах без труда угадываются стволы деревьев. Лес, который забинтует, залечит любые раны

реход. Да, он трудный, болезненный. Я постаралась передать принятие, она отдается миру, влаге, стекает в землю, сливается с ней. Это мое ощущение: я вернулась на свою землю, я хочу раствориться в ней, до конца. Все. Мне искать больше нечего. Это центральная тема — возвращение. Она возвращается в ту влагу, из которой появилась, вечный круговорот. Но еще я показала, что она здесь не в одиночестве: вот зайчик предложил ей лечь ему на спинку, второй прижался к ногам. Мир принимает ее.

— В следующих полотнах сюжеты совсем другие...

ЛБ: Да, это голландский зал, условно. Тридцать лет своей истории там я ждала до этих двух работ. Здесь тюльпаны — символ Голландии. Это бескрайние полосатые поля, плоская земля, много неба... Это мои ощущения, когда я уезжала. Да, земля красивая, много тюльпанов, есть свои традиции — это, кстати, образ традиционного женского костюма, сложного и интересного — но и много тревоги... Вся эта красота будет сожжена. То ли выживет, то ли нет. Вспорхнувшие бабочки тревожно разлетаются. Страх, невозможность расслабиться. Остаться было страшно и больно.

Рядом — мойры. Богини судьбы. Практически в классическом исполнении — молодая, средних лет и старуха. И в то же время — это мои этапы жизни в Голландии. В свое время я приехала туда, полная надежд, начала тянуть вот эту ниточку. У голландцев много хороших черт, они отзывчивые на помощь. Средняя мойра, которая пытается тоже вытянуть нить, отмерить, ее не видит — и мы ее не видим.

Это не моя жизнь, я ее не жила по-настоящему, поэтому ниточку я ей не дала. А последние годы в Голландии — это последняя фигура, темная, тяжелая. Она еще ничего не рвет, но показывает, что пора открыть дверь, которая наметилась. Да, много сделано, многое надо оставить, это трудно, особенно, когда ты уже не молод... Но я уезжала с легким сердцем.

— Когда смотришь на эту картину, вспоминается сказку «Сказка о мертвой царевне» и момент, когда чернавка велено было увести девушку в глубь лесную и там оставить...

ЛБ: Сказка — это магия, мистика. Но здесь нет страха. Посмотрите — она идет, широко раскрыв глаза, оглядываясь. Идет снизу вверх, прямо как я, из Голландии, где все в низине, — в Уральские горы. Из зоны комфорта, в неизвестность. Солнце, которое светит — это надежда, защита. Все будет хорошо. И заметьте, вот эта рука, которая ведет, она не за руку тянет, а за рукав. Рукой царевна придерживает платье, чтобы не запнуться. То есть, силой ее никто не тянет.

— Откуда рыцари? Немного не наши сказки...

ЛБ: Это была вторая картина, которую я нарисовала. С одной стороны, это некое олицетворение западной культуры. С другой, это и про человека в целом, который привык жить по правилам, выстроил для себя некую броню. Но в лесу в ней ходить нельзя — тяжело. В лесу, в природе, надо быть мягким. Что делать? Бросить это все, пусть лежит, не тянет вниз, не тяготит. И идти своим путем. А лес постепенно все это укроет, залечит, возродит.

Подготовила
Екатерина СИМОН

В соседнем зале — сказочные сюжеты. Царевна, идущая в лес, рыцарские доспехи на лесной поляне, призрачные русалки, Хозяйка медной горы, царевна, но почему-то и без царевича, и без волка, просто красивая барышня, загадочно улыбающаяся зрителю...

«Снегурочка», 2024